

О проблеме потенциальности в мировоззрении В. Розанова

Сатору МАСУДА

На протяжении своего творческого пути, Василий Розанов разрабатывает такие темы, как тема пола, семьи, христианства, язычества и т. д. Сверх того, в десятилетия нашего века в книгах «Уединенное», «Опавшие листья» и других работах, которые были написаны в жанре «Опавших листьев», он создал новую литературную форму и выразил в них своеобразную мысль о творчестве.

В данной статье мы рассмотрим некоторые произведения Розанова, начиная с анализа понятия потенции, которое, нам кажется, играет важную роль в его творчестве в целом. Мы уверены, что такой анализ дает нам ключ к разгадке специфики мировоззрения Розанова. Я полностью согласен с Э. Голлербахом, который замечает: "Мысль о потенциальности и ее философском значении не оставляла Розанова всю жизнь."¹

Первым его трудом является книга «О понимании», которая была издана в 1886 году. Она чисто философская и, на первый взгляд,

¹ Голлербах Э. *В. В. Розанов. Жизнь и творчество*. Пб., 1922. стр. 14.

академическая книга. Но в этой ранней работе уже можно заметить свойственные Розанову идеи о мире и уме человеческом.

Главная задача этой книги заключается в выяснении строения науки и идеи понимания. В своей работе Розанов подробно классифицирует их и обсуждает сущность науки, космоса и мира человеческого. Сейчас нам следует заметить, что при этом Розанов часто употребляет понятие потенции. Через это понятие, он развивает свою теорию природы разума, и кроме того, в изучении космоса как познаваемого, он разлагает формы существования на четыре стадии: то есть, небытие, бытие потенциальное, бытие образующееся и бытие реальное. Нам интересно, что здесь он употребляет много образов семени и растения. Розанов говорит:

Растения проходят все три формы существования: потенциальное, образующееся и реальное. В семени они существуют потенциально, через рост — образуются и с прекращением роста существуют реально. Со всем, что было рассмотрено выше, растения представляют различие столь великое, что его можно сравнить только с различием его потенции от потенций этих других вещей. (.....) В растении же есть уже новое начало — жизнь, и само оно не вещество только, но организм, т. е. жизнь, облеченная в вещество.²

О значении таких образов, Розанов сам написал в своей книге «В мире неясного и нерешенного» следующее:

² Розанов В. *О понимании*. М., 1996. стр. 173.

Моя книга «О понимании» вся построена на принципе потенциальности и с самого же начала ее мелькающий пример «семени» и «растения» есть не пример только, но и руководившая меня в изысканиях Ариаднина нить.³

Нам ясно, что образы семени и растения служат Розанову не только аллегорией, но и важным способом выражения его философского мировоззрения. Другими словами, как существование органическое и полное новым началом и жизнью, он понимает семя и растение.

Чтобы полнее рассмотреть понятие потенции, обратим внимание на другую работу Розанова. В сборник «Религия и культура», изданный в 1899 году, он включает работу «Эмбрионы», которая состоит из афоризмов разного содержания. Многие исследователи уже указывают на ее значение и считают ее началом «Опавших листьев». В ней Розанов представляет важную для нас идею о понятии потенции:

Весь мир есть игра потенций; я хочу сказать — игра некоторых эмбрионов, духовных или физических, мертвых или живых. (.....) И всякая вещь есть часть бесчисленных других вещей, их эмбрион, потенция их образования. (.....) Поэтому, говорю я, жизнь природы есть жизнь эмбрионов; ее законы — суть законы эмбриональности; и вся наука, т. е. все и всякие науки, суть только ветви некоторой космической эмбриологии.⁴

Подобную идею Розанов высказывает тоже в книге «Литературные

³ Розанов В. *В мире неясного и нерешенного*. М., 1995. стр. 261.

⁴ Розанов В. *Религия и культура*. СПб., 1899. стр. 241.

изгнанники», где он говорит о плане своей книги «О потенциальности и роли ее в мире физическом и человеческом», которую он задумывал как продолжение книги «О понимании», но, не осуществил. Здесь Розанов говорит:

Потенции — это незримые, полу-существующие, четверть-существующие, сото-существующие формы (существа) около зримых (реальных). Мир, «как он есть», — лишь частица и минута «потенциального мира», который и есть настоящий предмет полной философии и полной науки.⁵

Дело в том, что в вышеприведенном из «Эмбрионов» тексте, Розанов отождествляет понятие потенции и эмбриона. Поэтому, нам полезно выяснить то, что Розанов хочет выразить заглавием «Эмбрионы».

Сборник «Религия и культура» был переиздан в 1901 году, и это второе издание Розанов дополнил афоризмами, которые он назвал «Новые эмбрионы». Кроме них, никакого дополнения ко второму изданию не было. Этот факт означает, нам кажется, что такая форма «эмбрионов», которую можно считать началом формы «Опавших листьев», уже занимает особое место в сознании тогдашнего Розанова. Кроме того, из вышесказанного факта мы можем вывести более важное заключение: для него, каждый "опавший листок", который он сам создал, представляет собой эмбрион, включающий в себя потенции, едва существующие в этом мире, но органические и полные новыми началами, одним словом, жизнями.

⁵ Розанов В. *Литературные изгнанники*. СПб., 1913. стр. 116.

Перед тем как перейти к поздним работам жанра «Опавших листьев», нам следует рассмотреть коротко другие работы Розанова. Во-первых, цитата из книги «Семейный вопрос в России», изданной в 1903 году:

Есть действительно некоторое тайное основание принять весь мир, универс, за мистико-материнскую утробу, в которой рождаемся мы, родилось наше солнце, и от него — земля.⁶

Во-вторых, цитирую из книги «Темный лик», изданной в 1911 году:

Христианство есть мистическая песнь переходу из земного жития, всегда и непременно грешного, в "вечную жизнь" — там. Хорошая религия? Конечно, — но не отрицайте же, что это есть величайший пессимизм и глубочайшее отрицание земли и земного, стихий планетных, лунных, солнечных, но в основе всего — родительских, рождающих.⁷

Из обеих цитат можно сделать вывод, что на других темах Розанова также отражается понятие потенции, другими словами, понятие существования органического, полного новым началом, жизнеспособного. Для него, существование, которое не включает в себя нового начала и ничего не может рождать, отвратительное и отрицательное.

Сейчас обратим наше внимание на книги «Опавшие листья», которые являются самыми оригинальными по форме и содержанию

⁶ Розанов В. *Семейный вопрос в России*. СПб., 1903. т. 2. стр. 53.

⁷ Розанов В. *Темный лик*. СПб., 1911. стр. 87.

произведениями Розанова. В новой литературной форме, он пишет эти книги на очень многие темы и в них разворачивает свои разнообразные идеи. Нам можно сказать, что в этих «Опавших листьях» выражаются все особенности творчества и мировоззрения Розанова. В настоящей статье, однако, мы рассмотрим только одну сторону: его любовь к рукописности и неприятие печатного слова.

Сначала нужно просмотреть некоторые тексты, чтобы узнать его сознание о творчестве. Он говорит в начале «Уединенного»:

Шумит ветер в полночь и несет листы... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, почувства...(.....) С давнего времени мне эти «нечаянные восклицания» почему-то нравились. Собственно, они текут в нас непрерывно, но их не успеваешь (нет бумаги под рукой) заносить, — и они умирают. Потом ни за что не припомнишь. Однако кое-что я успевал заносить на бумагу. Записанное все накапливалось. И вот я решил эти опавшие листы собрать.⁸

В этой части ясно выражается розановское понятие о творчестве. Свои опавшие листы, то есть, свои мысли, он считает еще живыми, жизнеспособными, включающими в себя жизнь. Далее в другом месте, он говорит следующее:

Говорят, дорого назначаю цену книгам («Уед.»), но ведь сочинения мои замешаны не на воде и даже не на крови человеческой, а на

⁸ Розанов В. *О себе и жизни своей*. М., 1990. стр. 36.

семени человеческом.⁹

Если мы примем в расчет вышесказанные рассуждения о работах «О понимании» и «Эмбрионы», можно заключить, что Розанов сознает свое творчество как существование органическое и полное новым началом, значит, потенциальное. Поэтому естественно, что он хочет наделить потенциальной жизнью свои мысли, которые только что отпали со своей души, «только что жившие и отчасти еще живые»¹⁰, и которые он едва успел заносить на бумагу. Мы можем считать, что такое понятие имеет много общего с мыслью, которую мы выяснил в рассуждениях о работе «Эмбрионы». Итак, у нас есть основания утверждать, что мы называем статью «Эмбрионы», в таком смысле, одним из начал книг «Опавших листьев». Как замечает В. Сукач, "Розанов шел от «эмбрионов» к «опавшим листьям»".¹¹

Как выше замечено, в «Опавших листьях» Розанов неоднократно выражает свою приверженность к рукописности и ненависть к печатному слову, печатной литературе и его времени. Имея в виду его понятие потенции и вообще его отношение к потенциальному миру, о котором мы рассуждаем в настоящей статье, нам можно узнать суть такой приверженности и ненависти Розанова.

Сначала, рассмотрим тексты, в которых можно найти ненависть Розанова к печатному слову. Он говорит в «Опавших листьях»:

⁹ Там же, стр. 273.

¹⁰ Синявский А. *«Опавшие листья» В. В. Розанова*. Париж, 1982. стр. 115.

¹¹ Сукач В. Литературный феномен В. В. Розанова и его книга «Сахарна» // *Литературная учеба*. 1989, No. 2. стр. 80.

Как будто этот проклятый Гутенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушились «в печати», потеряли лицо, характер. Мое «я» только в рукописях, да «я» всякого писателя.

Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество. Но она же ее и раздавила. Появилась «техническая душа» — *contradictio in adjecto*. И вдохновение умерло.

Всякое движение души у меня сопровождается выговариванием. И всякое выговаривание я хочу непременно записать. Это — инстинкт. Не из такого ли инстинкта родилась литература (письменная)?

После книгопечатания любовь стала невозможной. Какая же любовь «с книгою»?^{1 2} (подчеркивание наше)

В этих цитатах содержится много выражений, которые употребляются в сходных значениях: лицо, характер, «я» всякого писателя, душа, вдохновение, движение души и любовь. Розанов понимает, что такие предметы, которые он хочет выразить в форме «Опавших листьев», есть потенциальные, жизнеспособные, и они противятся печатному слову, технике, значит, печати, которую изобрел Гутенберг. Потому что, для Розанова, печатное слово мертвое, неподвижное и завершённое. Это не имеет никакой потенции, жизни. Он думает, что печатное слово никак

^{1 2} Розанов В. *О себе и.....*, стр. 39, 67, 72, 173.

не может быть началом другой вещи. Далее, такая ненависть направлена к другим сторонам, т. е. к литературе его времени и даже к самому времени. Розанов критикует литературу 19 и начала 20 века и даже его само время следующее:

Суть «нашего времени» — что оно все обращает в шаблон, схему и фразу.

Вся «цивилизация 19 века» есть медленное, неодолимое и, наконец, восторжествовавшее просачивание всюду кабака. (.....) Кабак прошел в книгопечатание. Ведь до 19 века газет почти не было (было кое-что), а была только литература. К концу 19 века газеты заняли господствующее положение в печати, а литература — почти исчезла. (.....) Бога вообще в «кабаке» нет. И сущность 19 века заключается в оставлении Богом человека.^{1 3}

Чтобы преодолеть такое положение, Розанов стремится к "рукописности" своего творчества, и сознательно говорит о своей роли в разложении литературы:

Может быть, мы живем в великом окончании литературы.

Совершенно не заметили, что есть нового в «У.». Сравнили с «Испов.» Р., тогда как я прежде всего не исповедуюсь. Новое — тон, опять — манускриптов, «до Гутенберга», для себя. Ведь в

^{1 3} Там же, стр. 219, 340-341.

Средних веках не писали для публики, потому что прежде всего не издавали. Таким образом, «рукописность» души, врожденная и неодолимая, отнюдь не своевольная и не приобретенная, и дала мне тон «У.», я думаю, совершенно новый за все века книгопечатания.

...иногда кажется, что во мне происходит разложение литературы, самого существа ее. И может быть, это есть мое мировое «emploi».¹⁴

В конце статьи опять вернемся к образу растения. Нам интересно, что даже в самое позднее время своей жизни Розанов употребил такой образ растения. В письме Голлербаху, написанном в 1918 году, он говорит:

Ведь все «О понимании» пропитано у меня "соотношением зерна и из него вырастающего дерева", а в сущности — просто — роста, живого роста.¹⁵

И далее цитируем из самого начала 2-го короба «Опавших листьев »:

Самая почва «нашего времени» испорчена, отравлена. И всякий дурной корень она жадно хватает и произращает из него обильнейшие плоды. А добрый корень умерщвляет.¹⁶

Из этих примеров ясно, что Розанов, который ощущает тяжелый кризис своего времени, назвал свой первый труд "зерном", назвал самого себя

¹⁴ Там же, стр. 172, 249-250, 332.

¹⁵ Розанов В. *Избранное*. München, 1970. стр. 543-544.

¹⁶ Розанов В. *О себе и.....*, стр. 331.

"вырастающим из него деревом", и издал свои поздние работы под заглавием "Опавшие листья". Следовательно, мы можем заключить, что постоянно в мировоззрении Розанова значительную роль играла проблема потенциальности. Это сказалось на всем протяжении его творческого наследия.

* Настоящая статья первоначально была написана как доклад на «Научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения В. В. Розанова. Творческое наследие В. В. Розанова в художественно-философском контексте 20 века.» в Институте Мировой Литературы в Москве в мае 1996 года. Я хочу выразить сердечную признательность Виктору Сукачу за научное руководство.